

УДК 1(091)

Идея личности в правовом государстве в философии права П.И. Новгородцева

Е.Ю. Матросова

Гуманитарный факультет МГТУ, кафедра философии

Аннотация. Статья посвящена изучению философских аспектов существования личности в правовом государстве с точки зрения выдающегося русского философа П.И. Новгородцева, а также определению путей развития правового государства, целью которого, по убеждению мыслителя, является нравственное развитие личности.

Abstract. The paper considers philosophical aspects of person existence in the jural state presented in the views of Russian thinker P.I. Novgorodtsev. The ways of development of the jural state have been analyzed. The conclusion about the aim of the jural state from the thinker's point of view – the moral development of a person – has been made.

Ключевые слова: правовое государство, философия права, нравственность, личность, нравственная личность, этика, нравственный закон

Key words: jural state, legal philosophy, morals, person, moral person, ethics, moral law

1. Введение

Вопрос взаимоотношения нравственных исканий отдельной личности и правовых потребностей общества является одним из важнейших вопросов политико-правовой доктрины видного русского философа права П.И. Новгородцева. Вопрос о месте личности в условиях наполненного социально-экономическими и политическими противоречиями общества, праве личности судить о целом обществе, требовать его совершенствования, участвовать в его реформировании с позиций абсолютных нравственных идеалов вполне актуален в условиях нынешнего духовного кризиса.

Центральным пунктом философско-правового учения Новгородцева является проблема нравственной личности, призванной личными усилиями осуществить в себе нравственное начало, которое изначально заложено в каждом человеке, как и стремление к его осуществлению. Развивая кантовскую традицию об автономии человеческой нравственности, Новгородцев вслед за Вл. Соловьевым стремился найти синтез правовых и нравственных начал. Размышляя о нравственном совершенствовании личности, Новгородцев считал, что наилучшие условия для такого совершенствования могут быть созданы в условиях правового государства, которое "должно подчинить разрозненные стихии общественной жизни общему правовому порядку" (*Новгородцев, 1995б*). Основная идеальная цель правового государства, по убеждению Новгородцева, заключается в том, что сочетая частные интересы единством общего блага, вводя их в законные границы предписанием равного для всех права, государство узаконивает их и придает им значение общепризнанных правовых явлений, а вместе с тем создает почву для их совместного проявления и развития. "Без этого благодетельного действия государственного принципа частные интересы осуждены на стихийное самоутверждение и анархическую вражду", – предупреждает мыслитель (*Новгородцев, 1995б*).

2. Эволюция идеи правового государства

Согласно Новгородцеву, правовое государство находится в процессе эволюции, стадии которой меняются вместе с изменением стоящих перед ним задач. Так, на первой ступени своего развития задачей государства было подчинить разрозненные стихии общественной жизни общему правовому порядку и установить для этого прочный фундамент – единое и равное для всех право. Наряду с этим требованием, на второй стадии своего развития идеал государства включил в свое содержание требование, чтобы этому праву была подчинена и сама государственная власть. К началу XX века, по утверждению Новгородцева, правовое государство вышло на третью стадию своего развития, основной особенностью которой стало новое понимание прав личности, равенства и свободы, которое привело к неограниченному расширению задач государства, пересмотру прежних представлений и новой формулировке всех оснований старой теории. Вся человеческая история идет через противоречие и борьбу противоположных начал равенства и свободы к высшей сложности их взаимодействия.

Теория правового государства, основанная на народном суверенитете, в своем историческом происхождении изначально была противопоставлена идее независимости власти от общественного

мнения, и, по заключению Новгородцева, имела не только юридическое, но также и философское, и этическое значение, поскольку дала "морально-философское обоснование правового государства" (Новгородцев, 2000).

Изучение философских оснований правового государства, и, прежде всего, идей Руссо, привело Новгородцева к выводу о "совпадении основных элементов" правовой философии Руссо в понятии общей воли, которая осуществляет свободу и равенство всех. Когда Руссо говорил о свободе и равенстве, отмечает мыслитель, он подразумевал их неразрывно слитными и предполагающими друг друга. Новгородцев не согласен с ограниченным пониманием равенства у Руссо как формального равенства всех перед законом, а также с крайне узким пониманием свободы как свободы от рабства. Подобное понимание равенства и свободы Новгородцев называет скорее отрицательным, чем положительным. Неприемлемо для него также расширение равенства до пределов универсального принципа государственного устройства, что явилось у Руссо основой для предположения о возможности полного гармонического слияния личности и государства.

Определение свободы как равной для всех и необходимо совпадающей с равенством, заключает Новгородцев, "имело своим последним основанием взгляд на личность как на родовую сущность, которая обуславливает у людей одинаковые притязания и возможности, а следовательно, и одинаковую потребность в свободе" (Новгородцев, 2000). В этой системе взглядов все частное, своеобразное, особенное устранялось как незаконное и не имеющее нравственного оправдания, как досадное противоречие разумному закону. К существу личности относилось только то, что одинаково у всех и в равной мере для каждого определяется общим законом.

В рамках такого понимания личности становится более ясным и взгляд Руссо на общую волю как на неизменный элемент, общий всем частным волям и одинаково присущий всем частным волям, и этот взгляд был лишь естественным отражением того понимания личности, которое видело в ней не своеобразные особенности, а общечеловеческую сущность. В его учении, подчеркивает Новгородцев, общая воля принимает во внимание только объединяющий всех интерес, не имея никакого отношения к интересам частным и особенным.

Новгородцев подверг критике также и учение о личности Канта, у которого, по его мнению, философское понимание личности, характерное для французских идеалов равенства и свободы, получило свою теоретическую формулировку. Родовое понимание личности у Канта Новгородцев выделяет из его теоретических положений в виде представления о лице как о носителе всеобщих и необходимых законов, в котором подчеркивалось общее и отвлеченное начало разума. Вместе с тем Новгородцев замечает, что и нравственный закон, объединяющий отдельных лиц, понимался у Канта не в качестве высшей связи, сочетающей их, ввиду их различий и во имя высшего объединения, а в качестве принципа, одинакового у всех различных существ и объединяющего их этим единством, с отрицанием имеющихся между собой различий.

При таком определении личности и нравственного закона свобода и равенство представлялись двумя сторонами одного и того же понятия: свобода являлась основанием, равенство – необходимым условием закономерности воли. "Кант определял свободу как независимость от чужой воли, – говорит Новгородцев, – поскольку она совместима со свободой каждого другого; равенство же он понимал как право не обязываться относительно других к большему сравнительно с тем, к чему их можно обязать взаимно" (Новгородцев, 2000). Таким образом, для Канта было характерно, что равенство, как и другие права личности, уже заключается в начале прирожденной свободы и в действительности от нее не отличается. Новгородцев продолжает мысль Канта и говорит, что в соответствии с предыдущим положением естественно предположить, что единственное прирожденное право есть свобода, а все остальное вытекает из него.

Как считает Новгородцев, это было "рационалистическое понимание личности в ее общей и отвлеченной форме, которую каждый человек имеет в себе наряду со всеми другими, – определение личности признаками не индивидуальными, а родовыми" (Новгородцев, 2000). Связь Канта с французским пониманием здесь очевидна для Новгородцева: когда французские мыслители XVIII века говорили о человеке, они имели в виду человека отвлеченного, повсюду имеющего одну и ту же природу, а следовательно, одни и те же потребности и желания.

Новгородцев подчеркивает, что кантовское начало автономии личности не было забыто Гегелем, но все же принцип личности является в его философии лишь в качестве одного из элементов высшего единства, не основным и абсолютным, как требовалось это категорическим императивом Канта, а вторичным и подчиненным. Новгородцеву близка точка зрения Гегеля, в соответствии с которой свобода состоит не только в одной бесконечной возможности выбора и в отсутствии ограничения, но и в свободном выборе какого-либо определенного решения, которое вместе с тем есть и ограничение воли, прекращающее дальнейшее ее проявление, но ограничение, вытекающее из ее свободного выбора. Таким

образом, завершает Новгородцев мысль Гегеля, существу свободной воли нисколько не противоречит ее самоограничение.

В связи с таким понятием свободы Гегель видит и в общении не одно ограничение, а прежде всего восполнение личности, поскольку в обществе человек находит то ограничение, которое вытекает из его разумного существа, из самой основы его свободы. Это положение не противоречит взглядам Новгородцева, однако у Гегеля оно стало основой убеждения о возможности гармонии между личностью и обществом. Новгородцев категорически отвергает такие перспективы и отмечает, что общественная среда представляется Гегелю живым воплощением идеи добра, а чистая субъективность лишает человека твердых основ, вследствие чего у него возникает страстное стремление к объективному порядку. Таким образом, заключает Новгородцев, у Гегеля своеволие отдельного лица, стоявшего в оппозиции к общественному порядку, исчезает, и "слагается картина гармонического сочетания лиц с общей нравственной субстанцией" (Новгородцев, 1995а).

Новгородцев, как и Гегель, считает, что "нравственный закон, который мы сознаем в себе, должен существовать во внешнем мире" (Новгородцев, 1903). Этот закон – не только внутреннее состояние личности, как утверждал Кант, но и нечто большее, не сводимое к личности и от нее не зависящее. Но вместо того чтобы личность ставить во главу угла, а в государстве видеть продукт ее свободного творчества, констатирует Новгородцев, Гегель провозгласил догмат о божественном предназначении государства, а от личности потребовал смирения перед могущественной силой исторического разума, ведущего ее к счастью и свободе. Личность, конечно, не может проявить себя вне общественных союзов, но для Новгородцева важнее другое – что без автономии (свободы) личности нет и не может быть нравственности.

Новгородцев отмечает, что существенное отличие учений Канта и Гегеля состоит в том, что одностороннее развитие субъективного направления Канта может привести к "отрицанию необходимости общественного прогресса нравственности", а объективное воззрение Гегеля может клониться к "подчинению личного момента общественному", между тем "правильное отношение состоит в их сосуществовании и взаимном признании" (Новгородцев, 1995а).

Невозможность на практике обеспечить все положения идеи справедливого государства, гармонически сочетающего свободу и равенство отдельных лиц с господством и всемогуществом общей воли, по словам Новгородцева, привела к кризису этой теории. Выход из кризиса ознаменовал третий этап развития идеи правового государства, который, по мнению Новгородцева, наступил в конце XIX века благодаря либеральному течению в философской мысли и новым взглядам на личность.

3. Личность в учении нелиберализма П.И. Новгородцева

Новгородцев отмечает, что новое понимание личности служит выражением ярких индивидуалистических стремлений: "Это понимание заключается в требовании, чтобы лица, освобожденные от традиционных связей, развивали свою самостоятельность и далее, в сторону отличия друг от друга, так чтобы каждый осуществлял свой собственный идеал, не равный никакому другому" (Новгородцев, 2000). Но, по мнению Новгородцева, проблема индивидуальности коренится не в культурном или общественном проявлении личности, а в глубине ее собственного сознания, в ее моральных и религиозных потребностях: "Стремление быть самим собою, быть верным своему внутреннему идеалу, голосу своей души, своей совести есть то, что составляет драгоценнейшее достояние человека; и это достояние не может быть ему заменено никакими удобствами и преимуществами внешнего положения, уравнивающего его с другими" (Новгородцев, 2000).

Центральным пунктом либерально-правового учения Новгородцева стала нравственная автономия человеческой личности. Самоопределяющаяся личность как "нравственная основа общественности" выдвигается им в качестве исходного пункта общественной реальности.

В рамках либерально-правовой идеи Новгородцев стремится расширить понятие свободы, но таким образом, чтобы равенство сохранило свое значение необходимого постулата. Это понятие, утверждает Новгородцев, расширяется по мере того, как каждое новое поколение вкладывает в него все более обширное содержание. Так, для более ранних сторонников реформы государства понятие свободы было символом противоборства и почти отрицания, под нею разумелось свержение цепей, освобождение личности и общества от юридической и политической неправоеспособности. Но по мере развития либеральная мысль пришла к заключению, что свобода в политическом смысле – не только "отрицательное", но и положительное понятие. По мнению Новгородцева, личность и общество в самом деле свободны не только потому, что они не находятся под игмом ограничений, санкционированных положительным законом, "действительная свобода заключается в возможности сделать наилучшее употребление из своих способностей" (Новгородцев, 2000).

От государства, считает Новгородцев, требуется не только устранение юридических препятствий к развитию свободы, но и доставление материальной возможности для наилучшего проявления свободы. На практике это выразилось в дальнейшем развитии либерализма в направлении социальных реформ. Новый – социальный – либерализм видел путь к осуществлению свободы в том, чтобы обеспечить для каждого возможность человеческого существования и освободить от гнета таких условий жизни, которые убивают человека физически и нравственно, "ближайшим образом имея в виду лиц, страдающих от экономической зависимости, от недостатка средств, от неблагоприятно сложившихся обстоятельств" (Новгородцев, 2000). Задача и сущность права в либеральном государстве состоит в охране личной свободы, но для осуществления этой цели необходима и забота о материальных условиях свободы, считает Новгородцев, ведь без этого свобода некоторых может остаться пустым звуком, недостижимым благом, закрепленным за ними юридически и отнятым фактически. "Именно во имя охраны свободы право должно взять на себя заботу о материальных условиях ее осуществления", – заключает Новгородцев (1995в). А это есть не что иное, как призыв к социальным реформам.

4. Принцип свободного универсализма в правовой теории П.И. Новгородцева

Новгородцев убежден, что только свободная личность может, развивая свои способности, в максимальной степени реализовать себя, осуществить присущее ей нравственное начало. При этом каждому человеку необходимы равные возможности для своего развития. "Безусловное значение человека предполагает свободу как естественное и необходимое выражение его нравственного существа: без свободы мы не мыслим личности", – подтверждает Новгородцев (1991б) эту мысль. А поскольку в каждом человеке должна быть признана нравственная сущность, то из этого требования вытекает идея равенства. Для Новгородцева очевидно, что невозможно представить себе общественный прогресс без осуществления идей свободы и равенства.

Вопрос о соотношении свободы и равенства является одним из ключевых в философско-правовой концепции Новгородцева. Он отражает проблему соотношения права (как основания равенства) и нравственности (как основания свободы), но если взаимосвязь права и нравственности, по Новгородцеву, основывается на взаимном дополнении друг друга в широком диапазоне взаимодействия, то равенство предстает неким ограничением свободы, и наоборот, свобода нарушает гармонию равенства.

Между тем, из понятия личности выводятся не только ее притязания на свободу и равенство. Вступая в общение с другими людьми, личность не может отрицать их права, не отрицая при этом и свои права, и собственную сущность, отсюда вытекает обязанность взаимного признания. Идеальный смысл общения, по Новгородцеву, не исчерпывается формально-правовыми принципами, а "выражается в требовании высшего нравственный закона, объединяющего людей духом солидарности и любви и связующего их разрозненные силы в общее культурное стремление" (Новгородцев, 1991б).

Таким образом, Новгородцев добавляет к притязаниям личности на свободу и равенство еще и обязанность солидарности и единства с другими лицами: "Никто не должен быть исключен из идеи всеобщего единства. Безусловный принцип личности с необходимостью приведет к идее всечеловеческой вселенской солидарности". Отсюда Новгородцев выводит свою неизменную формулу общественного идеала – "принципа всеобщего объединения на началах равенства и свободы", или, в более краткой формуле, – "принципа свободного универсализма" (Новгородцев, 1991б).

Свое учение об общественном идеале как требовании постепенного приближения к Абсолютному идеалу, ставшее вершиной философского учения Новгородцева, философ противопоставил тому кризису правосознания, в котором оказалась политическая мысль XIX века вследствие крушения веры в абсолютную реализацию правового государства. Русский мыслитель убежден, что достижение гармонического сочетания личности и общества в пределах истории невозможно. Философия, по мнению Новгородцева, "должна отвергнуть мысль о конце прогресса, о завершении человеческих стремлений в условиях относительных явлений", ведь "только в свете беспредельности познаются истинные пути общественного прогресса" (Новгородцев, 1991б). Путем к достижению относительных идеалов, являющихся реализацией данного каждой личности стремления к абсолютному, Новгородцев считал именно нравственное совершенствование личности.

В последние годы жизни Новгородцев пытался соединить идею правового устройства социальной жизни с православной традицией внутреннего преобразования жизни на путях христианской политики и либерализма, национального в своих основаниях. "Восстановление святынь" – последняя статья философа, посвященная доказательству того, что "демократия, как и всякая другая форма, может быть лучше или хуже в зависимости от духовного содержания, которое вкладывает в нее народ, что при известных условиях оно может стать и полным извращением всякой справедливости" (Новгородцев, 1991а). Фундаментом правового общества являются религиозные ценности национальной культуры – национальные святыни. Демократия имеет своим предельным основанием агиократию – власть святынь

в человеческой душе. Безусловное значение человеческой личности, утверждаемое христианством, есть глубочайшая основа идеи правового государства. Христианская духовность – фундамент правовой культуры. Духовное совершенствование личности, сопровождающееся укреплением межличностной солидарности, определяет пути формирования норм права и векторы развития правового сознания. Следуя П.И. Новгородцеву, право само по себе не способно осуществить преобразование общественной жизни. Правовое государство призвано реализовать нравственные силы личности, имеющие религиозные истоки. Основой правового государства является ценностный стержень национальной культуры, укорененный в религиозных традициях. "Дело не в том, – заключает Новгородцев, – чтобы власть была устроена непременно на каких-то самых передовых началах, а в том, чтобы эта власть взирала на свою задачу как на дело Божие, и чтобы народ принимал ее как благословленную Богом на подвиг государственного служения" (Новгородцев, 1991а).

5. Заключение

Таким образом, правовое государство предстает у Новгородцева не в ореоле безусловного совершенства, а с печатью временного явления, подлежащего дальнейшему развитию на пути к общественному идеалу. Правовое государство, считает Новгородцев, имеет "задачу простую и ясную" – достижение равенства и свободы, которые являются "основами справедливой жизни". Трудность решения этой задачи заключается в том, что государство, возлагающее на себя благородную миссию общественного служения, встречается с необходимостью реформ, которые лишь частично осуществимы немедленно и которые необозримы в своем дальнейшем развитии и осложнении. Новгородцев полностью исключает условие, при котором личность может рассматриваться как средство по отношению к общественной гармонии. Новгородцев указывает на две причины, по которым между личностью и обществом всегда останется известное несоответствие и не будет полной гармонии. Личность, в силу ее внутренней беспредельности, не могут удовлетворить конкретные относительные общественные формы. Причиной несоответствия является своеобразность личности, заключающаяся в том, что она представляет собой не средоточие взаимоотношений с другими, а пребывает как самобытное целостное единство. В итоге Новгородцев делает вывод, что "правовое государство не есть венец истории, не есть последний идеал нравственной жизни, это не более как подчиненное средство, входящее как частный элемент в более общий состав нравственных сил" (Новгородцев, 2000).

Литература

- Новгородцев П.И.** Введение в философию права. Кризис современного правосознания. СПб., Изд-во Лань, Санкт-Петербургский университет МВД России, с.25, 211, 225-272, 2000.
- Новгородцев П.И.** Восстановление святынь. В кн.: *Об общественном идеале*. М., Пресса, с.580, 578, 1991а.
- Новгородцев П.И.** Лекции по истории философии права. Сочинения. М., Паритет, с.216, 244, 1995а.
- Новгородцев П.И.** Нравственная проблема в философии Канта. М., с. 305, 306, 1903.
- Новгородцев П.И.** О задачах современной философии права (Речь, произнесенная перед диспутом в Санкт-Петербургском университете 22 сентября 1902 г.). Сочинения. М., Паритет, с.315, 316, 1995б.
- Новгородцев П.И.** Об общественном идеале. М., Пресса, с.61, 108-111, 1991б.
- Новгородцев П.И.** Право на достойное человеческое существование. Сочинения. М., Паритет, с.323, 1995в.